

18+

Anna Wolf

Renovatio

aeternus amor

Anna Wolf

Renovatio. Aeternus amor

«Издательские решения»

Wolf A.

Renovatio. Aeternus amor / A. Wolf — «Издательские решения»,

«Renovatio» — это не просто история о любви между смертной девушкой и вампиром, которому больше пятисот лет. Это глубокое философское исследование одиночества, депрессии, поиска смысла и принятия собственной тьмы. Стефани и Даниэль — два осколка одной пустоты. Она — живая, но чувствует себя мёртвой. Он — мёртвый, но отчаянно пытается жить. Вместе они пытаются найти ответ на вопрос, который мучает их обоих: можно ли исцелиться, если твоя душа — это бездонный колодец?

© Wolf A.

© Издательские решения

Содержание

Anna Wolf	6
Содержание	6
Пролог	8
Глава Первая: Initium	9
Глава Вторая: Umbrae	11
Вставка. Разговор у границы тишины	18
Глава Пятая: Fatum	19
Глава Шестая: Noctis Cor	21
Глава Седьмая: Memoria	23
Глава Восьмая: Lumen	25
Вставка. Разговор у границы тишины	27
Глава Десятая: Veritas	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Renovatio Aeternus amor

Anna Wolf

© Anna Wolf, 2026

ISBN 978-5-0071-4316-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



RENOVATIO

Anna Wolf

Содержание

Глава Первая: Initium
Глава Вторая: Umbrae
Глава Третья: Vox Silentii
Глава Четвёртая: Sanguis et Ros
Глава Пятая: Fatum
Глава Шестая: Noctis Cor
Глава Седьмая: Memoria
Глава Восьмая: Lumen
Глава Девятая: Inter Mortem et Vitam
Глава Десятая: Veritas
Глава Одиннадцатая: Amor et Timor
Глава Двенадцатая: Iter
Глава Тринадцатая: Sub Luna
Глава Четырнадцатая: Anima
Глава Пятнадцатая: Frigus
Глава Шестнадцатая: Vinculum
Глава Семнадцатая: Mysterium
Глава Восемнадцатая: Cinis
Глава Девятнадцатая: Aeternum
Глава Двадцатая: Desiderium
Глава Двадцать первая: Porta
Глава Двадцать вторая: Tenebrae
Глава Двадцать третья: Lux Interdicta
Глава Двадцать четвёртая: Cor Infractum
Глава Двадцать пятая: Renovatio
Глава Двадцать шестая: Pactum
Глава Двадцать седьмая: Exsilium
Глава Двадцать восьмая: Invidia
Глава Двадцать девятая: Somnium
Глава Тридцатая: Ultimum Crepusculum
Глава Тридцать первая: Custodes
Глава Тридцать вторая: Mors et Vita
Глава Тридцать третья: In Tenebris
Глава Тридцать четвёртая: Caelum
Глава Тридцать пятая: Vita Nova
Глава Тридцать шестая: Fides
Глава Тридцать седьмая: Silentium
Глава Тридцать восьмая: Redemptio
Глава Тридцать девятая: Iterum
Глава Сороковая: Spes
Глава Сорок первая: Aperta Janua
Глава Сорок вторая: Sine Fine
Глава Сорок третья: Ad Lucem

Глава Сорок четвёртая: Quod Restat

Глава Сорок пятая: Post Tenebras

Глава Сорок шестая: Renascor

Глава Сорок седьмая: Finis Incertus

Глава Сорок восьмая: Requiem

Пролог

Я всегда говорила себе, что у меня нормальная жизнь. Иногда даже почти верила в это.

У меня была школа, мама, сестра, несколько подработок и привычка оставаться наедине с собственными мыслями. Учителя считали меня слишком замкнутой, одноклассники — странной, а я давно научилась не спорить ни с теми, ни с другими. Я пыталась быть обычной: не выделяться, не говорить слишком умных вещей, смеяться там, где смеются остальные, и делать вид, что мне всё равно.

Не помогло.

Я всё равно оставалась гадким утёнком среди людей — только давно перестала ждать, что однажды стану лебедем.

Быть собой оказалось не легче. Мысли приходили без приглашения, раскладывали мир на части и требовали ответов на вопросы, которые никто не задавал. Почему люди так боятся одиночества? Почему называют любовью привычку? Почему обещают вечность, если знают, что всё заканчивается?

Иногда мне казалось, что я слишком много думаю.

А иногда — что думаю недостаточно.

Как говорила моя учительница иностранных языков, я часто «летаю в облаках» и могу не услышать происходящего рядом. Она ошибалась лишь в одном: мои мысли не были облаками. Скорее, это был лес, в котором я годами блуждала одна.

Я ещё не знала, что совсем скоро в этот лес войдёт человек, который не должен был существовать.

И что после встречи с ним моя жизнь перестанет быть обычной.

Если только жизнью вообще можно назвать то, что случилось со мной потом.

Глава Первая: Initium

Первая глава: Шли последние дни сентября — всё ещё тёплые, как и полагается в Теберде. Но уже погода становилась пасмурной, словно сама природа готовилась к долгому сну. Я проснулась, когда за окном ещё царила темнота, и тишина стояла гробовая — та особенная тишина, которая бывает только перед рассветом, когда мир замирает в ожидании чего-то неведомого.

Электронные часы на тумбочке высветили: 3:00. Ночь.

Я встала, поправила пижаму, которая немного помялась и прилипла к телу, надела тапочки и тихо вышла из комнаты. В гостиной было уютно даже в этот час: кресла стояли возле телевизора, мои книги лежали на журнальном столике — немые свидетели всех моих мыслей. Я взяла первую попавшуюся, не желая тратить время на выбор, достала плед и устроилась на подоконнике.

Со второго этажа открывался прекрасный вид на двор, где росли растения, посаженные моими руками. Хвойные кустарники, цветы, ягодные кусты — маленький мир, который я создала сама. Книга оказалась «Ярмаркой тщеславия» Теккерея. Интересно, хотя тема любви раздражала меня до тошноты.

Читая, я незаметно ушла далеко от книги — туда, где мысли становятся громче слов.

Говорят, когда сбываются самые заветные мечты, судьба рано или поздно предьявит счёт. Я много читала. В книгах любовь красивая — даже когда в ней есть быт, ссоры и трудности. В реальности такой любви нет. А на меньшее я не согласна, потому что точно знаю: где-то есть лучше. Парадокс: горе от ума. Умом понимаю — так не бывает, а сердце требует идеала.

На словах все любят. Но в реальности это чаще пустые звуки. Любить — это глагол, который не должен иметь прошедшего времени. Настоящая любовь не исчезает, не умирает. Она живёт вечно.

Но что есть вечность, если не иллюзия, придуманная теми, кто боится конечности? Мы цепляемся за идеи, как утопающие за

обломки корабля, называя это верой, надеждой, любовью. А может, всё проще — и страшнее одновременно: мы просто не умеем жить настоящим, потому что настоящее всегда несовершенно. Оно пахнет пылью, усталостью, разочарованием. И только в мечтах — там, где мы сами создаём законы, — всё приобретает смысл.

Но разве жизнь стоит того, чтобы прожить её в погоне за призраком? Или, может, сам поиск — и есть ответ? Не цель, а путь. Не финал, а движение. Ведь даже звёзды, которые кажутся вечными, когда-нибудь погаснут. Но пока они горят — они освещают чей-то путь. Может, и мы так же: краткие вспышки в бесконечной тьме. Но именно эти вспышки и есть всё.

Я так долго думала, что не заметила, как

взошло солнце и прозвенел будильник.

Пора собираться в школу. Без особого желания я слезла с подоконника и пошла в ванную. Когда вышла, мама и сестра уже встали. Я сложила рюкзак, расчесала волосы, которые вечно путались.

Ненавидела цвет своих волос — очень светлые, почти золотистые. Считала это недостатком: структура тонкая, невозможно ни покрасить, ни накрутить, чтобы не поломать. А серо-голубые глаза всегда пугали своей необычностью. Закончив лёгкий макияж — обычно я красила только губы и наносила лёгкий мист для тела, — я вышла из комнаты.

Каждый день мы с сестрой шли в школу, и я постоянно торопила её. Мы учились в параллельных классах. Я не боялась опоздать — мне было всё равно на учёбу. Просто хотелось жить быстрее.

К счастью, погода была пасмурная. Не то чтобы я не любила солнце — просто у меня была аллергия. Редкая, проявляющаяся в солнечный день ожогами на коже даже от короткого времени. Моя кожа обычно очень бледная, а руки постоянно холодные. Но мне это даже нравилось — я понимаю, что мне не холодно.

И всё же странно: я чувствую холод, но не чувствую его. Моё тело словно живёт отдельно от меня — бледное, прохладное, почти чужое. Иногда я смотрю на свои руки и думаю: а я ли это? Или просто оболочка, в которой живёт кто-то другой — тот, кто не спит ночами, кто думает слишком много, кто

не умеет просто быть.

Может, все мы — лишь сосуды для чего-то большего? Для мыслей, для чувств, для чужого опыта, который мы принимаем за свой. И если так, то где заканчиваюсь я и начинается мир? Где грань между мной и темнотой за окном, между моим дыханием и ветром в ветвях? Возможно, её нет. Возможно, мы все — одно. И тогда любовь — не связь между двумя, а возвращение к себе.

Но как вернуться туда, где ты никогда не был? Как вспомнить то, что не забывал?

Я отогнала эти мысли — они тянули меня куда-то вглубь, откуда сложно выбраться. Сестра уже стояла у двери, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Ты идёшь или как? — спросила она.

— Иду, Стелла, — ответила я, хотя на самом деле хотелось остаться. Здесь, на границе между сном и явью, где всё возможно и ничто не обязательно.

Но мир суров. Это я знала слишком хорошо.

Войдя в школу, сестра направилась к своим одноклассникам. Её тут же обняла лучшая подруга Марина. Я не любила подруг сестры — они казались мне лицемерными и склизкими. Именно последнее слово я часто употребляла в их адрес. Из-за игриво-детских словечек и странных разговоров не по возрасту: «„приветики-приветики“», «вайбик», постоянные обсуждения друг друга

Глава Вторая: Umbrae

со словами «без негативчика». Мерзко даже звучит.

Я искренне не понимала, как можно быть такими красивыми и одновременно пустыми. Они выглядели как куколки: причёсанные, накрашенные, безумно красивые — но пустые, как Дориан Грей. Красота без содержания. Обёртка без конфеты. И самое страшное — они этого не замечали. Или не хотели замечать.

Я прошла мимо, не задерживаясь. Мне не нужны были их улыбки, их разговоры, их мир, где всё поверхностно и легко. Я искала глубину. Но, может, именно поэтому мне было так одиноко? А может, я такая же пустая, как они?

Углубившись в размышления, я пошла в библиотеку, где обычно прогуливала уроки. Всё равно первые две пары — обществознание и физкультура. Да, я относилась к людям-пофигистам. Часто говорят, что такие люди очень чёрствые. Но можно ли назвать чёрствым того, у кого просто другие цели в жизни? Несомненно, экзамены и оценки — важная вещь для перфекционистов. Но стоят ли они того?

Я думала об этом, шагая по пустому коридору. Ты тратишь нервы и силы, чтобы просто показать, что заучил правильные ответы или смог списать. Ты меняешь часы своей жизни — единственного невосполнимого ресурса — на цифры в журнале, которые через год никому не будут нужны. Система придумала правила, чтобы было проще управлять, чтобы каждый знал своё место. Но разве жизнь — это место в иерархии? Разве смысл в том, чтобы быть лучше других?

Мне всегда казалось, что настоящее образование — это не сумма заученных фактов, а умение задавать вопросы. Не поиск правильного ответа, а способность видеть, что ответов может быть бесконечно много. Но школа этого не учит. Школа учит молчать, когда нужно говорить, и говорить, когда нужно молчать. Она дрессирует, а не воспитывает.

Может, поэтому я и прогуливала? Не из лени — из протеста. Из нежелания участвовать в этом спектакле, где все играют роли, а я не знаю своей.

Я так глубоко ушла в эти мысли, что не заметила металлическую дверь библиотеки и ударилась об неё лбом.

— Стефочка, ты как обычно! Как можно быть такой рассеянной? — сказала Римма Александровна, библиотекарь, очень испуганно за меня.

В одно мгновение она оказалась рядом и стала осматривать ушиб. Римма была женщиной лет шестидесяти, волосы седые и короткие, лицо слегка в морщинах, но мне казалось, что это делало её ещё более приятной внешне. Её все считали очень злой и истеричной женщиной, хотя это была лишь маска. И во многом я понимала её.

Я очень ценила книги. Меня в бешенство могло привести плохое отношение к ним.

— Римма Александровна, со мной всё хорошо. Опять задумалась. Как вы провели выходные?

— Ой, сын привёл знакомить со мной его невесту. Она безответственная, хитрая — точно что-то хочет провернуть.

— Ну, Римма Александровна! Вы же очень добрая. Не беспокойтесь, ваш сын пошёл в Вас и точно сделает правильный выбор.

— Ладно, Стефа, садись. Опять уроки решила прогулять! Ну, ладно-ладно, всё равно с тобой бесполезно спорить. Ты самая продуманная из всех. В библиотеке обычно прогульщиков не ищут. Я пойду пока чай попью и на почту схожу, а ты посиди здесь. Если кто-то придёт, то ты знаешь, как заполнять карточки. В архиве, если хочешь,

можешь навести порядок — а то у меня руки никак не дойдут.

— Хорошо, Римма Александровна. Вы знаете, что я всё выполняю.

Она взяла сумку и отправилась по своим делам.

Я осталась одна. В библиотеке пахло старой бумагой, пылью и чем-то ещё — неуловимым, но родным. Запах знаний. Запах времени. Запах чужих жизней, законсервированных на страницах.

Я прошла между стеллажами, провела пальцами по корешкам книг. Сколько их? Тысячи? Десятки тысяч? Каждая — чья-то мысль, чья-то душа, застывшая в чернилах.

Каждая — попытка сказать: «Я был. Я думал. Я чувствовал. Я не зря».

И что осталось от этих людей? Слова. Только слова. Их тела давно стали землёй, их дома — прахом, их имена забыты. Но слова живут. Слова сильнее плоти. Сильнее времени.

Может, и я когда-нибудь стану словами? Может, и мои мысли однажды кто-то прочитает и подумает: «Я не один. Кто-то до меня чувствовал то же самое. Кто-то понимал».

Разве это не бессмертие? Разве это не вечность — не мистическая, не божественная, а человеческая? Жить в чужой голове, в чужом сердце, в чужой памяти. Быть не телом, а идеей. Быть не человеком, а эхом.

Я села за стол, открыла первую попавшуюся карточку и начала заполнять. Работа механическая, но приятная. Она успокаивала. Возвращала к реальности — но к той реальности, которую я выбирала сама.

За окном моросил дождь. Погода плакала — тихо, без надрыва, как плачут те, кто давно научился скрывать слёзы.

Глава Третья: Vox Silentii

Дверь резко скрипнула — значит, кто-то вошёл. Я быстро подняла глаза и увидела мою классную руководительницу, и быстро стала придумывать, почему я прогуляла её пары обществознания и сейчас не нахожусь на уроке физкультуры. Василиса Николаевна очень добрая, невысокого роста, ей около 65 лет, волосы каштанового цвета, но с

печальной судьбой. Она похоронила сына в прошлом году, её сын был убит во время того, как он вытаскивал гражданских людей. Я не знаю, почему, но я прочувствовала её боль на себе. Обычно она старалась быть спокойной или весёлой, но сейчас она выглядела обеспокоенно. Тут я заметила, что она не одна, а рядом с ней красивый молодой парень, около 18 лет. Его внешность была очень необычной, и, не думала, что когда-нибудь скажу это о парне, он был очень красивый. Но я точно знала, что за такой оболочкой скрывается надменность, самовлюблённость и жестокость. Это подтверждают произведения Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», Александра Пушкина «Евгений Онегин», Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери». Вспомните: Дориан Грей — эталон красоты по мнению всех

героев романа, но какой он на самом деле? Жестокий, эгоистичный, расчётливый человек. А Евгений Онегин играет с чувствами Татьяны. Главный герой — Феб де Шатопер. Он писанный красавец, блестящий офицер, в которого влюбляется Эсмеральда. Но за этой привлекательностью скрывается эгоистичный, пустой и жестокий человек. В противовес ему уродливый Квазимодо обладает чистой и благородной душой. Но в наши дни даже король цирка уродцев обладает огромным самолюбием. Никто не смотрит на свои шансы объективно. Я понимаю, что на меня красавчик не посмотрит, да и «святой» тоже. Я далеко не идеал внешности, а тем более мои поступки не всегда правильные. Так что этот парень точно не мой вариант, и думать даже не стоит.

— Стефа, я так и знала, что найду тебя здесь. Опять ты за своё, — с улыбкой погрозила мне пальцем. — Знакомься, это Даниэль Рейвен. Даниэль, это Стефани Эшвуд. Вот уже два человека в классе с необычными фамилиями. А то Сидоровых, Петровых, Синициных последнее время много развелось. Стефани, кстати, изучает разные языки, сама она итальянка, а ты же тоже оттуда. Думаю, вы подружитесь. Стефа, выдай ему учебники, расскажи ему всё, что необходимо, теперь ты за него ответственная, подавай хороший пример ему.

Я тут же поняла, что это новая головная боль для меня. Даниэль высокий, блондин, взгляд свысока, поэтому я не сразу смогла определить цвет его глаз. Ещё один парень! Мой класс состоял в основном из мальчиков. Их было больше 21, девочек,

кроме меня, было ещё две, но они часто пропускали уроки, чтобы посетить разные бутики или погулять с парнями постарше. Я пыталась подружиться с ними, но, видимо, упустила время и потеряла момент. Я протянула Даниэлю руку для рукопожатия, как было принято обычно у меня с одноклассниками. Он лишь ухмыльнулся и одним лёгким движением перевернул мою руку так, что моя рука оказалась сверху его ладони, он наклонился и слегка поцеловал, как было принято обычно в XVII веке. Я растерялась, разозлилась из-за того, что, ещё не успев познакомиться, он уже показал, что я слабее него, потому что девочка. Не то чтобы я была феминисткой, просто часто слышала в свой адрес комментарии о том, что не женским делом занимаюсь или должна что-то делать, потому что девочка. Особенно обидно это звучало на научных

конференциях, где часто не оценивали работу только потому, что за мальчиками в этой области будущее, а я найду мужа, рожу детей и брошу науку. Бесит... Сквозь зубы я сказала:

— Приятно познакомиться. Только впредь не обязательно использовать такие жесты вежливости, всё-таки не в XVII веке живём.

Даниэля, видимо, забавляло то, как я злюсь. Он улыбнулся:

— Конечно. Просто считаю, что девушкам стоит напоминать, что даже когда на плечах лежат столь большие заботы, она остаётся леди, которая всё ещё нуждается в помощи и защите.

Какие красивые и фальшивые слова. Он,

видимо, профессионал по навешиванию лапши на уши. Но его голос... Он был очень мелодичным, как колыбельная.

Василиса Николаевна вышла и оставила нас одних. Я считаю, что это было бы очень опасно, так как мы могли просто перегрызть друг другу шеи. Тем не менее факт оставался, и мне надо было как-то заполнить эту неловкую паузу.

— Сейчас я выдам тебе учебники и объясню, как заполнить карточку. Держи. Это расписание уроков, необходимая литература для каждого предмета, устав школы, — протягиваю стопку бумаг.

Он улыбнулся и взял их, коснувшись моей руки. Его руки были невероятно холодные, даже для моих вечно ледяных рук. Кожа

была такой же бледной, как у меня. Я впервые встретила такого человека. Наконец-то мне удалось рассмотреть цвет его глаз. Они были янтарными. Я пошла в архив и собрала необходимый комплект учебников. Учебники по английскому лежали сверху огромного стеллажа, что даже лестница не доставала. Я решила поставить на стол стул и залезть сверху. Вроде с координацией проблем у меня нет. Я решила воплотить этот план в жизнь. Вот я уже на вершине этой конструкции. Я встала на носочки и потянулась за учебником, но тут стул качнулся, и я полетела вниз. Это было неожиданно и одновременно безумно страшно. Я вскрикнула. Я упала на пол, и было бы всё не так страшно, если бы в эту же секунду не полетел на меня и стол, и стул, и даже шкаф. И первая мысль, которая у меня проскользнула, была: «Неужели это конец? Как в любимой книге, когда дочитываешь последнюю страницу? И от меня теперь ничего не останется».

Когда шкаф упал, я почувствовала невыносимую боль по всему телу. Может, у меня сломаны все кости? Тут появился Даниэль. Он был не на шутку напуган.

— Ох, Господи, как это произошло? Ты жива? Я сейчас помогу.

Конечно, я не хотела жаловаться, да и давно почему-то перестала плакать, даже от боли.

— Нет. Всё в порядке, просто решила полежать под таким своеобразным одеялом. Ты поможешь или будешь так и стоять?

Даниэль пытался поднять шкаф, и у него это

получилось. Наверное, он спортсмен, хотя не сильно похож на тяжеловеса. Следом он убрал стол и стул. У меня было плечо и нога в крови. Только бы не перелом. Даниэль, увидев кровь, изменился в лице, его лицо помрачнело, он с трудом сглотнул слюну и с ужасом смотрел на кровь. Наверное, он боится крови, сделала я такой вывод. Но тут на его лице появилась странная, хищная улыбка.

— Даниэль, всё нормально? Тебе плохо?

— Мне не плохо. Просто...

На этих словах он кинулся к двери. И быстро выбежал. Он бежал с невиданной скоростью. Я понимала, что начинаю терять сознание. В этот момент моё сознание отключилось.

Я пришла в себя от холода на плече. Странно, но боли не было. Я открыла глаза и увидела, что, судя по всему, я лежу в какой-то лаборантской или кабинете. Я попыталась сесть, и в этот момент в кабинет вошёл высокий и безумно красивый мужчина. Ему было около 30 лет. Я была удивлена, так как никогда в школе его не видела. Даниэль стоял чуть в стороне возле окна. Моё сознание всё ещё было смутным. Я окончательно потеряла счёт времени.

Мужчина подошёл ближе. У него были такие же янтарные глаза, как у Даниэля, только чуть темнее, и тёмные волосы, спадающие на лоб. Он присел на корточки рядом со мной и внимательно посмотрел на моё плечо. Я проследила за его взглядом и с удивлением обнаружила, что рана...

затянулась? Кожа была чистой, лишь едва заметный розовый след напоминал о том, что здесь была кровь. Я моргнула. Наверное, показалось.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. Голос у него был спокойный, глубокий, с лёгкой хрипотцой.

— Нормально, — ответила я, пытаюсь вспомнить, что вообще произошло. — Простите, а вы...

— Адриан Рейвен, — представился он. — Я отец Даниэля. Сегодня мой первый день в этой школе — я психолог. Даниэль прибежал за мной, когда не смог найти медсестру. Ты потеряла сознание. Я перенёс тебя сюда. Не волнуйся, всё обошлось. Ушиб и пара ссадин и порезов, но ничего серьёзного.

— Психолог? — переспросила я, чувствуя, как в голове всё ещё всё плывёт.

— Да. Если нужна будет помощь или захочешь поговорить, то приходи в любое время.

— Спасибо. Но у меня нет тем для разговоров. Да и говорить не хочется.

— Мы можем просто помолчать. Или поговорить о жизни. В любом случае буду рад тебя видеть.

Я посмотрела на Даниэля. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с непонятным выражением лица. В нём не было ни насмешки, ни высокомерия — что-то другое, чего я не могла разгадать.

— Спасибо, — сказала я, вставая. Ноги слушались, хотя немного дрожали. — Мне пора на урок.

— Ты уверена? — Адриан поднялся вместе со мной. — Может, тебе стоит отдохнуть?

— Всё в порядке, правда, — я улыбнулась, хотя внутри всё ещё было странное чувство. — Сейчас у меня математика. Лучше не пропускать. Кстати, у Даниэля тоже. Поэтому думаю, что пора идти.

Адриан посмотрел на сына, потом на меня. Что-то промелькнуло в его взгляде — тень беспокойства или, может, предупреждения. Но он лишь кивнул.

— Хорошо. Но если что-то почувствуешь себя плохо, сразу приходи.

Мы вышли из кабинета. Коридор был пуст. Я шла быстро, не оглядываясь на Даниэля, но чувствовала его присутствие за спиной. Он молчал. Это молчание давило сильнее любых слов.

— Почему ты убежал? — спросила я наконец, не выдержав.

— Я не убежал, — ответил он. — Я пошёл за помощью.

— Ты испугался крови?

Пауза.

— Да, — сказал он тихо, как будто придумывая себе оправдание на ходу. —

Испугался.

Глава Четвёртая: Sanguis et Ros

Я не стала уточнять, чего именно он испугался. Мне показалось, что ответ на этот вопрос я не хочу знать.

Мы дошли до кабинета математики. Урок ещё не начался, но большинство одноклассников уже были на месте. Когда мы вошли, все обернулись. Двадцать один парень уставился на нас с Даниэлем. Я почувствовала, как воздух в комнате стал плотнее.

— Это Даниэль Рейвен, — сказала я громко, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Новенький. Перевёлся к нам.

Тишина длилась ровно секунду. Потом класс взорвался.

— Рейвен? Как ворон, что ли? — засмеялся кто-то.

— Откуда ты? Из Италии?

— Ты играешь в футбол?

— А девушка у тебя есть?

Даниэль улыбался, отвечал на вопросы, пожимал руки. Он делал это легко, непринуждённо, как будто всю жизнь находился в центре внимания. Я отошла в сторону, села за свою парту у окна и достала учебник. Мне было всё равно. Или я убеждала себя, что мне всё равно.

Дверь открылась, и в класс влетели три девочки — одноклассницы моей сестры. Они были возбуждены, щёки горели, глаза блестели. Они метались по классу, подбегали к парням, что-то спрашивали, записывали в блокнот.

— Ты идёшь с кем-нибудь на бал?

— А ты?

— А он кого пригласил?

Я наблюдала за этим с холодным безразличием. Выпускной бал. Праздник, который меня никогда не интересовал. Но была одна мысль, которую я гнала от себя весь прошлый год. Ярик Ветров. Олимпиадник, умный, популярный. Ещё с прошлого года он говорил, что пригласит меня. Я не верила, но где-то в глубине души... Где-то там, где живут глупые надежды, я всё же ждала.

Девочки подошли к Ярику. Он сидел на первой парте, листал телефон. Одна из них, Алина, наклонилась к нему:

— Ярик, ты уже решил, с кем идёшь?

Он поднял глаза. На секунду его взгляд скользнул по мне — я почувствовала это, как прикосновение — и вернулся к Алине.

— С Изабеллой, — сказал он.

Слово упало в тишину. Я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось. Не боль. Не обида. Просто пустота. Холодная, абсолютная пустота. Как будто тысячи мелких холодных иголок вонзились в кожу, но я не чувствовала боли. Только онемение.

Я опустила глаза на учебник. Страницы расплывались. Я моргнула. Нет. Я не буду плакать. Я давно не плачу.

Девочки подошли ко мне.

— Стефа, а ты? Кто тебя пригласил?

Я подняла голову и улыбнулась. Улыбка была лёгкой, почти искренней.

— Никто. Я не пойду. В этот день мне, скорее всего, надо будет уехать. Да и праздники я не люблю.

— Как уехать? Куда?

— Дела, — сказала я уклончиво. — Рабочая поездка.

Они переглянулись, но не стали настаивать. В этот момент одна из них заметила Даниэля и издала тихий восхищённый вздох.

— А это кто?

— Новенький, — ответила я равнодушно.

Девочки мгновенно переключили внимание. Они окружили Даниэля, щебеча, как птицы. Рассказывали ему о бале, о том, какие платья будут у девочек, о том, что большинство готовы согласиться, если он пригласит. Даже сами приглашали его. Он улыбался, кивал, обещал подумать. Его янтарные глаза блестели, но я видела, что он не воспринимает их всерьёз. Он играл. Как всегда.

Прозвенел звонок. Девочки засуетились, собираясь уходить. Лишь перед выходом Алина обернулась ко мне:

— Кстати, заявки принимают до 31 октября. Так что если передумаешь...

— Спасибо, — сказала я. — Но вряд ли.

Они ушли. Я посмотрела на календарь на стене. Сегодня было лишь 1 октября. Целый месяц впереди. Но я знала, что ничего не изменится. Ничего.

Прошло несколько уроков. Я сидела, смотрела в окно, записывала что-то в тетрадь, но не помнила ни слова из того, что говорили учителя. Мои мысли были далеко. Они блуждали где-то между строчками Теккерея, между образами Дориана Грея и

Квзимодо, между вопросами, на которые не было ответов.

Почему мы так боимся пустоты? Почему заполняем её чем угодно — надеждами, мечтами, иллюзиями, — лишь бы не слышать эту тишину внутри? Может, потому что в тишине мы встречаемся с собой. А с собой встречаться страшно. Потому что там, в глубине, нет ничего, кроме правды. А правда — это то, от чего мы бежим всю жизнь.

Я думала о Ярике. О том, как легко он произнёс её имя. Изабелла. Красивое имя. Красивая девочка. Они подходят друг другу. А я... Я не подхожу никому. И это нормально. Это правильно. Так и должно быть.

Но почему тогда так пусто?

Я вспомнила слова, которые прочитала ночью: «Мы цепляемся за идеи, как утопающие за обломки корабля, называя это верой, надеждой, любовью». Может, я тоже цеплялась? За что-то, чего никогда не было. За обещание, которое никто не давал. За мечту, которую сама придумала.

В конце дня я вспомнила, что у сестры было всего несколько уроков, и она пошла домой рано. Когда я приду, она, наверное, уже уйдёт с девочками по магазинам. Я открыла телефон. На почте было новое письмо. Я открыла его. Это было сообщение от научного сообщества. Я отправляла им свои работы. Больше четырёх лет я проводила исследования — ночами, выходными, летом. Я вложила в это всё, что у меня было. Месяц назад я отправила им свою последнюю работу, чтобы получить приглашение на

конференцию. Для меня это было делом всей моей жизни. Я открыла письмо и пробежала глазами по тексту. Слово «отказ» ударило меня, как пощёчина. Я перечитала. Потом ещё раз. И ещё. Может, я неправильно поняла? Может, там написано что-то другое? Нет. Там было написано, что все мои исследования — бред, который никому не нужен. Что мои методы фальшивы. Что я занимаюсь не своим делом.

Я закрыла телефон. Мир рухнул. Тихо, без звука, без взрыва. Просто в один момент всё, что было важно, стало прахом. Я вышла из школы и погрузилась в размышления. Я не помню, как дошла домой. Я очнулась только когда оказалась в своей комнате. Мама была на работе, сестра у подружек. Я осталась одна. Мир для меня больше не существовал.

Я надела наушники, задёрнула шторы и легла на кровать. Музыка заполнила пустоту в голове. Я не знаю, сколько я пролежала. Час? Два? Вечность?

Когда я встала и выглянула в окно, там шёл дождь. Мелкий, серый, бесконечный. Я собрала вещи и решила пройтись в лес. Мне нужно было уйти. От себя, от мыслей, от этого дня. Я вышла из дома. Дождь моросил, но я не чувствовала холода. Я шла по знакомой тропинке, которая вела в горы. Теберда... Здесь всё было родным. Горы Кавказа возвышались вокруг, как молчаливые стражи. Их вершины терялись в тумане, и казалось, что они дышат. Медленно, глубоко, вечно. Я поднималась выше. Лес становился гуще. Хвойные деревья пахли смолой и дождём. Ветви

касались моего лица, и я чувствовала их прохладу. Где-то внизу шумела река — Теберда, быстрая, холодная, несущая свои воды сквозь камни и время. Я остановилась на берегу. Вода была серой, как небо. Она неслась куда-то, не заботясь ни о чём. Я смотрела на реку и думала: вот так и жизнь. Течёт, не останавливаясь. Не спрашивая, хочешь ли ты плыть или стоять на берегу. Она просто несёт тебя, и ты можешь либо сопротивляться, либо отдаться течению. Но что, если течение несёт тебя в никуда? Я подняла голову. Горы молчали. Они видели всё — рождение и смерть, любовь и предательство, надежды и разочарования. Они стояли здесь тысячи лет и будут стоять ещё тысячи. А я... Я всего лишь мгновение. Пылинка. Вспышка. Может, в этом и есть смысл? Не в том, чтобы оставить след. Не в том, чтобы добиться чего-то. А в том, чтобы

просто быть. Здесь. Сейчас. Дышать этим воздухом, чувствовать этот дождь, слышать эту реку. Но как быть, если ты не знаешь, кто ты? Если твоё тело кажется чужим, а мысли — украденными у кого-то другого? Я простояла на берегу долго. Дождь усилился, потом стих. Небо потемнело. Я не заметила, как наступила ночь. Горы стали чёрными силуэтами на фоне звёзд. Звёзды... Я смотрела на них и думала: они кажутся вечными. Но даже они когда-нибудь погаснут. Но пока они горят — они освещают чей-то путь. Может, и мы так же. Краткие вспышки в бесконечной тьме. Но именно эти вспышки и есть всё. Я вернулась домой поздно. Мама что-то кричала из кухни, но я сказала какие-то базовые фразы — «всё хорошо», «я устала», «пойду спать» — и пошла в комнату. Окна были открыты, и в комнате было прохладно. Я приняла душ,

легла на кровать и уставилась в потолок. Я думала о сегодняшнем дне. О Даниэлье, который испугался крови и убежал. О его отце с янтарными глазами. О Ярике, который выбрал Изабеллу. О письме, которое разрушило мои мечты. О пустоте внутри, которая росла, как трещина в стене. И в какой-то момент я провалилась в сон. Тёмный, без сновидений. Как колодец. Как пропасть. Как тишина между двумя ударами сердца.

Вставка. Разговор у границы тишины

На краю поляны Даниэль долго молчал, глядя на вершины, которые уже скрывал туман.

— Ты часто думаешь о смерти? — спросила я.

— Каждый день.

— И это не страшно?

— Страшно. Просто страх со временем перестаёт быть криком и становится фоном. Ты слышишь его постоянно и учишься различать другие звуки.

— А любовь? Она тоже становится фоном?

Он посмотрел на меня.

— Нет. Любовь не должна становиться фоном. Если становится, значит, мы перестали её замечать.

Я провела пальцами по мокрой коре дерева.

— Тогда почему люди так легко привыкают друг к другу?

— Потому что привыкают не к человеку. К его присутствию. Это разные вещи.

— А ты привык ко мне?

— Я пытался.

— И?

— Не получилось.

Я улыбнулась.

— Почему?

— Потому что ты каждый день другая.

— Это плохо?

— Это единственное, что удерживает меня от вечности.

Я не сразу поняла.

— Ты боишься вечности?

— Я боюсь вечности без смысла. Бессмертие само по себе ничего не стоит. Если завтра ничем не отличается от вчера, тысяча лет превращается в один длинный день.

— Значит, смысл — в переменах?

— Не только. В выборе. Ты можешь прожить сто лет и ни разу не выбрать себя. А можешь прожить один день так, будто он действительно твой.

Я посмотрела на него.

— А если выбор причиняет боль?

— Тогда он всё равно остаётся выбором. Боль не доказывает, что ты ошиблась. Иногда она доказывает обратное: тебе было что терять.

— А если потеряешь всё?

Даниэль протянул руку.

— Тогда остаётся возможность выбрать заново.

Его пальцы коснулись моих. Холодные, как ночь.

Но впервые этот холод не казался пустым.

Глава Пятая: *Fatum*

Мне снился сон. Такой, какие бывают только на границе между явью и забытьём — когда сознание ещё цепляется за реальность, но уже не может удержать её в руках, и она рассыпается, как песок сквозь пальцы.

Я стояла в школьном коридоре. Только это был не наш коридор. Он тянулся бесконечно, теряясь в полумраке, и стены его дышали. Я

видела, как они медленно вздымаются и опадают, будто школа была живым существом, а мы — все мы — лишь паразитами в её чреве. Лампы под потолком мигали, издавая тихое гудение, и в этом гудении слышалось что-то похожее на шёпот. Много голосов. Они говорили разом, и я не могла разобрать ни слова, но чувствовала, как эти слова скользят по коже, оставляя липкий след.

Я шла вперёд. Ноги двигались сами, как будто кто-то другой управлял ими. Двери классов проплывали мимо — знакомые номера, но за каждой дверью было что-то не то. Я заглянула в одну. Там сидели мои одноклассники. Двадцать один парень. Они сидели неподвижно, как манекены, и их лица были стёрты. Гладкие, безглазые, безротые. Только Изабелла сидела в углу и улыбалась — улыбкой, которая растягивалась слишком

широко, до самых ушей, и за этой улыбкой не было ничего.

Я пошла дальше.

Коридор вывел меня в столовую. Пустую. Только длинные столы и стулья, и в самом центре — Марк. Он сидел один, и перед ним лежал лист бумаги. Я подошла ближе. Это был список. Список пар на выпускной бал. Имя Марка стояло напротив имени Изабеллы. Я протянула руку, чтобы взять лист, но он рассыпался в прах, едва я коснулась его. Прах поднялся в воздух, закружился, и в этом вихре я увидела лица. Девочки из параллельного класса. Они смеялись. Они тыкали в меня пальцами.

«Никто тебя не пригласил. Никто и не пригласит. Ты странная. Ты холодная. Ты как смерть». Я хотела убежать, но ноги не слушались. Стены сомкнулись, и я оказалась в тёмном помещении. Библиотека. Полки

уходили вверх, теряясь в темноте, и с них свисали книги — не стояли, а именно свисали, как летучие мыши, обмотанные цепями. На полу была кровь. Я узнала этот запах — металлический, тёплый. Я посмотрела вниз. Мои руки были в крови. Я подняла глаза. Передо мной стоял Даниэль. Только он был другим. Его янтарные глаза стали чёрными — абсолютно, бездонно чёрными, и в этих глазах не было ни зрачков, ни радужки, только тьма. Его кожа была ещё бледнее, чем обычно, почти прозрачной, и сквозь неё проступали тонкие синие вены. Губы были окровавлены. Он улыбался — и я видела клыки. Длинные, острые, как у хищника.

— Ты боишься меня, — сказал он. Голос был не его. Слишком низкий, слишком глубокий, как будто говорил не он, а что-то, что жило внутри него.

— Нет, — ответила я, хотя это была ложь.

— Боишься, — повторил он и сделал шаг ко мне. — Все боятся. Все, кроме тебя. Ты не боишься. Ты завидуешь.

— Чему? — прошептала я.

— Тому, что я живой, — он улыбнулся, и его клыки блеснули в полумраке. — Я мёртвый, но я живой. А ты живая, но ты мёртвая. Разве это не смешно?

Он засмеялся. Смех отразился от стен, и стены ответили ему. Библиотека наполнилась смехом — десятки, сотни голосов смеялись вместе с ним, и в этом смехе не было радости. Только голод. Только пустота.

— Я не мёртвая, — сказала я. Но голос мой дрогнул.

— Посмотри на себя, — он поднял руку, и в воздухе передо мной появилось зеркало. Я увидела себя — бледную, с серо-голубыми

глазами, в которых застыла вечная осень. Кожа почти прозрачная. Губы синеватые. Я выглядела как труп, который забыли похоронить.

— Это не я, — прошептала я.

— Это ты, — сказал Даниэль. — Ты всегда была такой. Ты просто не замечала. Ты ходишь среди живых, но ты не одна из них. Ты холодная. Ты пустая. Ты — как я. Только я выбрал тьму, а ты выбрала страх.

Он протянул руку. На его ладони лежала книга. Та самая, что я нашла в архиве — «Malleus Maleficarum». Она была открыта на странице, где говорилось о ведьмах. Но вместо текста там были имена. Моё имя. И имя Даниэля. И ещё чьё-то — третье, которое я не могла разобрать.

— Что это? — спросила я.

— Это наша история, — ответил он. — Ты узнаешь её. Рано или поздно. Тебе бы жить вечно.

— Нет. Я не хочу, — впервые в жизни я призналась, что не хочу жить. Раньше я об этом даже не думала.

Он коснулся моего лба холодными пальцами. И мир рассыпался.

Глава Шестая: Noctis Cor

Я открыла глаза. Потолок моей комнаты. Утро. Серый свет пробивался сквозь шторы. Колено ныло — привычная боль, почти успокаивающая. Я лежала неподвижно и смотрела в потолок, пытаясь понять, где заканчивается сон и начинается реальность.

Вампиры. Ведьмы. Кровь. Даниэль с чёрными глазами. Всё это смешалось в голове, как краски, которые кто-то неосторожно пролил на холст. Я не знала, что из этого было правдой, а что — лишь игрой моего воображения. Но одно я знала

точно: в этом сне Даниэль был живым. По-настоящему живым. Голодным, опасным, страшным — но живым. А я... Я была тенью. Призраком. Мёртвой среди живых.

Я села на кровати и посмотрела на свои руки. Бледные. Холодные. Я сжала их в кулаки и разжала. Кровь текла по венам — я чувствовала её пульсацию. Но было ли этого достаточно, чтобы считаться живой?

За окном начинался новый день. Суббота. Последний день перед выходными. А значит, сегодня я увижу его снова. И, может быть, получу ответы на вопросы, которые не решаюсь задать даже себе.

Я встала. Колено отозвалось болью. Я привыкла. Боль — это единственное, что напоминало мне, что я ещё здесь. Что я ещё существую.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Серо-голубые глаза. Бледная кожа. Тонкие кости, выпирающие под кожей. Я попыталась улыбнуться. Получилось плохо. Но я знала: сегодня мне придётся улыбаться много. Я пошла на кухню и заварила крепкий кофе. Тёмный, почти чёрный, без сахара — такой, чтобы горечь на языке перебивала горечь в душе. Я перелила его в термос, и тонкая струйка пара поднялась вверх, растворяясь в утренней прохладе. За окном ещё не рассвело. Небо было серым, как мокрый асфальт, и где-то на его краю, за горами, уже занималась заря — робкая, неуверенная, будто она сама не знала, хочет ли сегодня взойти.

Я взяла рюкзак, кинула туда тетрадь с сочинением, схватила термос и вышла из дома. Мама и сестра ещё спали. Их дыхание

было ровным, спокойным — дыхание людей, которые знают, что проснутся в мире, где всё на своих местах. Я завидовала им. Тихо, беззлобно, но завидовала.

Я пошла как обычно — лесной тропой. Моя сестра любила ходить через город: мимо магазинов, мимо витрин, мимо людей. Ей нравилось чувствовать пульс жизни, слышать голоса, видеть лица. А я выбирала лес. Здесь не было никого. Только деревья, которые стояли молча, как свидетели, и тропа, которая вилась между ними, как вена на бледной коже земли.

Лес осенью — это место, где время замедляется. Листья уже начали желтеть, но ещё не опали. Они висели на ветвях, как маленькие фонарики, и когда ветер касался их, они дрожали — тихо, едва слышно. Пахло

хвоей, мхом и чем-то ещё — тем особым запахом увядания, который невозможно спутать ни с чем. Я шла и слушала, как под ногами шуршит трава, покрытая росой. Мои кроссовки промокли, но я не чувствовала холода. Я вообще редко чувствовала холод — только знала, что он есть. Мои руки всегда были ледяными, и это было единственное, что напоминало мне о том, что я — живая. Или не совсем живая.

Я шла и думала о сне. О Даниэлье. О его словах.

«Ты живая, но ты мёртвая».

Он был прав. Я поняла это только сейчас, на этой тропе, среди молчаливых деревьев. Я потеряла желание жить уже давно — так давно, что даже не помнила, когда именно.

Может, в тот день, когда упала на соревнованиях и услышала, как хрустнуло колено. Может, когда увидела, как мой партнёр танцует с другой. Может, когда получила письмо с

отказом. А может, ещё раньше — когда была маленькой девочкой и впервые поняла, что мир не такой, как в книгах.

Что такое желание жить? Это не просто биологический инстинкт. Это огонь, который горит внутри. Он согревает, когда холодно. Он освещает путь, когда темно. Он даёт силы вставать по утрам. У меня этого огня не было. Внутри меня была только пустота — холодная, гладкая, как камень. Я ходила, говорила, улыбалась — но всё это было лишь оболочкой. Как у Дориана Грея, чей портрет старел в тайной комнате, пока сам он оставался молодым и красивым. Только у

меня не было портрета. Только пустота.

Философы говорят, что смысл жизни в том, чтобы его искать. Что сам поиск — это и есть ответ. Но что делать, если ты ищешь всю жизнь и не находишь ничего? Если каждая дорога ведёт в тупик, каждая мечта рассыпается в прах, каждое усилие оказывается напрасным? Может, тогда стоит признать: смысла нет. И жить без него — тоже вариант. Просто дышать. Просто ходить. Просто существовать. Но разве это жизнь? Или это всего лишь отсрочка смерти?

Я думала о бренности бытия. О том, что всё проходит. Звёзды гаснут. Горы разрушаются. Реки высыхают. Империи падают. Люди умирают. Всё, что мы создаём, всё, что мы любим, всё, во что мы верим, — всё это исчезнет. Рано или поздно. Может, через

тысячу лет. Может, завтра. И тогда — какая разница? Какая разница, если финал всегда один?

Я дошла до обрыва. Здесь лес расступался, и открывался вид на долину. Теберда лежала внизу, окутанная туманом, и река блестела в первых лучах солнца, как серебряная нить. Горы стояли вокруг — величественные, безмолвные, вечные. Они были здесь до меня и будут после. Они видели, как рождаются и умирают поколения. Они видели всё. И им было всё равно.

Я подошла к краю. Земля обрывалась резко, уходя вниз, в пропасть, где клубился туман. Я посмотрела вниз. Там было темно. Тихо. Спокойно. Я подумала: а что, если шагнуть? Один шаг — и всё закончится. Никакой боли. Никакой пустоты. Никаких вопросов без ответов. Просто тишина. Просто покой. Просто ничего.

Я задумалась: почему бы не полететь вниз? Мои исследования — бред, который никому не нужен. Моё существование — пустота, которую никто не замечает. Я — тень, призрак, ошибка природы. Я не живу. Я просто жду, когда всё закончится. Так почему бы не ускорить процесс?

Я сделала шаг. Край обрыва был так близко. Ещё один шаг — и я полечу. Ветер в лицо. Свобода. И тишина. Наконец-то тишина.

Я закрыла глаза. Сделала ещё шаг. Наверное, это конец.

Глава Седьмая: Memoria

Вот-вот я уже перенесла вес, чтобы упасть. Один шаг — и всё. Ветер в лицо. Свобода. Тишина.

Но тут меня за руку кто-то схватил.

Пальцы сомкнулись на моём запястье — холодные, сильные, как сталь. Я открыла глаза. Мир качнулся, и я увидела его. Даниэль. Его янтарные глаза горели в утреннем свете, и в них было что-то, чего я раньше не видела. Не ярость. Не страх. Что-то глубже. Что-то, что заставило моё сердце — если оно ещё умело биться — пропустить удар.

— Ты с ума сошла?! — выпалил он. Голос был резким, как удар хлыста. — Что ты собралась делать?!

— Всё нормально, — сказала я, пытаюсь высвободить руку. — Тебе показалось.

— Показалось?! — он сжал моё плечо, разворачивая меня к себе. — Я видел, как ты стояла на краю. Я видел, как ты шагнула. Не говори мне, что мне показалось.

Он выругался — тихо, сквозь зубы, на итальянском. Слова лились быстро, горячо, как лава. Я не понимала их, но чувствовала — в них была боль. Настоящая, живая боль. За меня.

Он выдохнул. Медленно, глубоко, как будто считал до десяти. Потом посмотрел на меня — уже спокойнее, но всё ещё тяжело.

— Об этом мы поговорим позже, — сказал он. — А сейчас — идём в школу.

Он взял мой рюкзак, крепко сжал мою руку и

повёл меня по тропе. Я не сопротивлялась. Впервые за долгое время мне не хотелось сопротивляться. Его рука была холодной, как моя, но в этой холодности было что-то надёжное. Что-то, что говорило: ты не одна. Я здесь.

Мы шли молча. Лес расступался перед нами, и первые лучи солнца пробивались сквозь ветви, золотя мокрую от росы траву. Где-то пела птица — одинокая, но настойчивая. Её голос звенел в тишине, как напоминание о том, что жизнь продолжается. Даже когда ты не хочешь этого.

Я думала о том, что произошло. О шаге, который я почти сделала. О том, что было бы, если бы он не появился. И о том, почему он появился. Случайность? Судьба? Или что-то большее — то, что я не могла понять, но чувствовала кожей.

Мысли путались. Я вспомнила слова Камю: «Есть лишь одна по-настоящему серьёзная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит ли жизнь того, чтобы её прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии». Я ответила на этот вопрос сегодня. Шагом в пустоту. Но кто-то ответил за меня. Кто-то решил, что стоит. И теперь я шла рядом с ним, держась за его руку, и не знала, благодарить мне его или ненавидеть.

Возле школы уже собралась огромная толпа детей. Утро субботы, но в школе был какой-то день открытых дверей или что-то в этом роде — я не помнила. Народу было больше, чем обычно. Все галдели, смеялись, обсуждали что-то. Обычная школьная жизнь.

Обычные дети. Обычные проблемы.

Даниэль повёл меня к группе моих и моей сестры одноклассников. Я слегка упиралась, капризничала — не хотела идти к ним. Я бы постояла в стороне, подождала, пока откроют двери. Но он был непреклонен. Его рука сжимала мою крепче, и в этом сжатии было что-то большее, чем просто желание вести меня. Это было обещание. Я не знала, какое, но чувствовала его.

Мы подошли к группе. Даниэль посмотрел на меня — убедившись, что я всё ещё с ним, что я не исчезла, не растворилась в утреннем тумане. Вокруг нас все начали перешёптываться.

Голоса были тихими, но я слышала каждое слово. «Смотри, это же новенький». «А кто это с ним?» «Это же Стефани, странная девочка из

параллельного». «Они что, вместе?»

Самая главная сплетница школы, Карина, вышла вперёд. Высокая, с длинными русыми волосами, с улыбкой, которая никогда не предвещала ничего хорошего.

— Даниэль, — сказала она, растягивая слова, как жвачку. — А вы что, типа, встречаетесь?

Я тут же воскликнула:

— Нет! Мы просто...

Но Даниэль перебил меня. Спокойно. Уверенно. Так, как будто говорил о чём-то само собой разумеющемся.

— Да, — сказал он. — Мы встречаемся.

Тишина. Такая, что стало слышно, как где-то на другой стороне двора каркает ворона.

— Уже давно, — продолжил он, не сводя глаз с Карины. — И это не обсуждается. Почему я её выбрал — не ваше дело. Есть вопросы?

Карина открыла рот, потом закрыла. Её лицо стало красным, как помидор. Она не привыкла, чтобы ей отвечали вот так. Но Даниэль не дал ей шанса. Он посмотрел на меня — прямо в глаза. И я не смогла отвести взгляд. Что-то в его взгляде держало меня. Сильнее, чем руки. Сильнее, чем слова.

Он убрал прядь волос с моего лица. Медленно. Осторожно. Как будто я была хрупкой. Как будто я была драгоценной.

В этот момент я поняла, что не могу злиться

на него. Хотя должна была. Он говорил за меня. Он решал за меня. Он объявил всему миру, что мы вместе, даже не спросив меня. Но я не злилась. Потому что где-то глубоко внутри — там, где было пусто, — появилось что-то. Маленькое. Слабое. Но тёплое.

Прозвенел звонок. Толпа двинулась к дверям. Даниэль взял меня за руку и повёл внутрь. Мы шли по коридору, и все смотрели на нас. Шептались. Показывали пальцами. Обычно я ненавидела это. Но сегодня мне было всё равно. Сегодня я держалась за его руку. И это было важнее.

Мы учились весь день. Даниэль пересел ко мне, хотя обычно я сидела одна. У окна. В углу. Там, где никто не мог меня достать. Теперь он сидел рядом. Его плечо касалось моего. Его рука иногда касалась моей. И я

Глава Восьмая: Lumen

чувствовала его присутствие — тёплое, живое, реальное.

Девочки уже записали, что я пойду на выпускной с ним. Даже не спросив нас об этом. Я узнала об этом только на перемене, когда услышала, как они обсуждают. «Стефани пойдёт с Даниэлем. Он сам сказал. Они вместе». Я посмотрела на него. Он улыбнулся.

— Я ничего не говорил про бал, — сказал он тихо, чтобы слышала только я. — Но если ты хочешь...

— Я не хочу, — ответила я.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда не пойдём.

И в этом было что-то правильное. Что-то, что

говорило: ты можешь решать. Я не буду навязывать. Но я буду рядом.

На самой длинной перемене он потащил меня в столовую. Я объясняла, что не голодна, что есть не хочу. Но он не слушал. Он привёл меня, набрал себе целый поднос еды и посадил к его братьям и сёстрам за стол.

Они посмотрели на меня холодно. Как будто с презрением. Я знала этот взгляд. Я видела его много раз. Взгляд людей, которые решили, что ты недостойн быть здесь. Но Даниэль не дал мне времени почувствовать себя чужой.

— Это Стефани, — сказал он. — Моя девушка.

Я переспросила:

— Девушка? Мы же только познакомились.

— А ты против? — он поднял бровь. — Мне кажется, после того как я спас тебе два раза жизнь, можно уже и начать встречаться.

— Я не против, — сказала я тихо.

Он улыбнулся. И в этой улыбке было что-то, что заставило моё сердце — если оно ещё билось — биться чаще.

Одна его сестра сразу была рада пообщаться. Её звали Мия. Она была невысокая, с каштановыми волосами и голубыми глазами, которые светились любопытством. Она сразу стала расспрашивать меня обо всём: откуда я, что люблю, какие книги читаю. Братья — Тобиас

и Лука — были более сдержанны, но тоже улыбались. Тобиас, тёмноволосый с зелёными глазами, кивнул мне. Лука, рыжий с веснушками, подмигнул.

Другая сестра лишь хмыкнула. Её звали Роза. Она была самой красивой — длинные чёрные волосы, тёмные глаза, точеные черты лица. Она смотрела на меня, как на что-то, что не заслуживает её внимания.

— Роза, — сказал Даниэль, заметив мой взгляд. — Она очень добрая. Просто строит из себя королеву красоты.

Роза закатила глаза, но ничего не сказала.

Даниэль поставил свой поднос передо мной.

— Ешь, если хочешь.

— А ты? — спросила я. — Я не хочу есть. Ты почему не ешь?

Он лишь улыбнулся в ответ.

— Всё потом узнаешь.

Я заметила, что никто из его семьи не ел, хотя подносы были полны еды. Это было странно. Но я не стала спрашивать. Сегодня было слишком много странного. Слишком много вопросов. И я знала, что ответы будут. Рано или поздно.

Мия сразу стала со мной болтать, пытаясь узнать всё. Она рассказывала о себе, о братьях, о том, как они переехали в Россию. Братья тоже включились в разговор — хоть и более сдержанно. Роза лишь хмыкала и

смотрела в окно.

После обеда мы пошли на уроки. Они пролетели быстро. Слишком быстро. Я не запомнила ничего из того, что говорили учителя. Мои мысли были где-то далеко. Рядом с Даниэлем. В его глазах. В его словах.

После уроков он дождался меня у выхода. Мы пошли в лес. На полянку, которую я знала с детства. Там было тихо. Только ветер шумел в ветвях и где-то далеко журчала река. Мы стояли друг напротив друга. В воздухе появилось напряжение. Такое густое, что его можно было резать ножом.

Предстоял важный разговор.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. И в этот момент я поняла: что бы он ни сказал, что бы ни открылось, моя жизнь уже не будет прежней. Потому что сегодня я узнала, что кто-то готов держать меня за руку. Даже когда я сама не хочу держаться.

— Стефани, — начал он. — То, что ты видела в лесу. То, что я сделал в библиотеке. И то, что я скажу сейчас... Это не будет легко. Но ты должна знать.

— Я слушаю, — сказала я.

Он глубоко вздохнул. Я понимала, что предстоит нелёгкий разговор.

Вставка. Разговор у границы тишины

Мы сидели на ступенях старого дома, и дождь шёл так тихо, будто боялся нарушить наш разговор.

— Ты веришь в судьбу? — спросила я.

— Я верю в последствия.

— Это не одно и то же.

— Нет. Судьба удобнее. Она позволяет сказать: «Так было предназначено», когда мы не хотим признавать собственный выбор.

— Значит, ты считаешь, что всё зависит от нас?

— Нет. Иначе это было бы слишком жестоко. Не всё зависит от нас. Но многое зависит от того, что мы делаем с тем, что нам досталось.

Я задумалась.

— Тогда судьба — это обстоятельства?

— Возможно. А свобода — ответ на них.

— Красиво.

— Непрактично.

— Философия почти всегда непрактична.

— Зато она не даёт человеку слишком быстро согласиться с собственной жизнью.

Я посмотрела на мокрый двор.

— Иногда мне кажется, что я слишком много думаю.

— Ты думаешь не слишком много. Ты слишком долго остаёшься одна со своими мыслями.

Эта фраза задела меня сильнее, чем я хотела показать.

— А если мысли правы?

— Тогда их нужно выслушать.

— А если они лгут?

— Тогда им особенно нужен кто-то рядом, кто скажет: «Нет. Это не вся правда».

Я впервые позволила себе положить голову ему на плечо.

— А ты будешь этим человеком?

Он ответил не сразу.

— Пока ты позволяешь мне быть рядом.

Глава Девятая: *Inter Mortem et Vitam*

Полянка была маленькой, укрытой со всех сторон вековыми елями. Их ветви спускались почти до земли, создавая что-то вроде шатра — тихого, тёмного, скрытого от посторонних глаз. Здесь пахло смолой и мокрым мхом. Где-то далеко журчала река — её голос доносился приглушённо, как будто она пела колыбельную. Солнце уже клонилось к закату, и его лучи пробивались сквозь ветви, рисуя на земле золотые узоры.

Даниэль стоял напротив меня. Его лицо было серьёзным — таким, каким я его ещё не видела. Янтарные глаза потемнели, стали глубже, как будто в них отражалась вся его долгая, невозможная жизнь.

— Стефани, — начал он. — То, что я скажу, изменит всё. Между нами. Между тобой и миром. Я хочу, чтобы ты знала: я не выбирал это. Но я живу с этим уже больше пяти веков.

Я молчала. Внутри всё сжалось, как пружина. Я знала, что он скажет. Знала ещё тогда, в лесу, когда увидела его чёрные глаза и окровавленный рот. Но знать и слышать — это разные вещи.

— Я вампир, — сказал он просто.

Слово упало в тишину, как камень в воду. Круги разошлись, но я не чувствовала страха. Не чувствовала ничего. Только странное спокойствие — как будто я всегда это знала.

— Я родился в 1487 году, — продолжил он. — В Италии. В Милане. Моя мать была знатной женщиной, но она умерла при родах. Отец так и не простил меня за это. Он был жестоким человеком. Когда мне исполнилось семнадцать, он... он избил меня до полусмерти. Я убежал. Ночью. В лес. И там меня нашёл он. Тот, кто обратил меня.

Он не спрашивал, хочу ли я. Он просто сделал это. Потому что был голоден. Потому что я был лёгкой добычей — мальчик, который умирал, который не мог сопротивляться.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки — бледные, с длинными пальцами, которые не старели уже пятьсот лет.

— С тех пор мне всегда семнадцать, — сказал он тихо. — Я не взрослею. Не старею. Не умираю. Я застрял между мирами — ни живой, ни мёртвый. Как ты.

— Я не... — начала я.

— Ты да, — перебил он. — Ты тоже застряла. Только по-другому. Ты живая, но не чувствуешь этого. Ты дышишь, но не хочешь

дышать. Ты ходишь по земле, но твоя душа где-то далеко. Я видел это в твоих глазах с первого дня.

Он сделал шаг ко мне. Ближе. Его запах — дорогой одеколон, что-то древесное, тёплое — окутал меня, как одеяло.

— Моя семья — Адриан, Мия, Тобиас, Лука, Роза — все они такие же. Мы не родные по крови. Мы нашли друг друга. Адриан и его жена Мария стали вампирами случайно. В больнице. Медсестра использовала шприц дважды. Ошибка. Одна ошибка — и вся жизнь перевернулась. Они не хотели этого. Никто из нас не хотел. Но мы живём. Вместе. Как семья.

Он снова замолчал, давая мне время осмыслить. Я смотрела на него и думала: вот он стоит передо мной. Ему пятьсот лет. Он видел падение империй, рождение и смерть королей, войны и революции. Он видел всё. И всё же он здесь. Со мной. В этом лесу. В этом мире.

— Мы переезжаем каждые несколько лет, — продолжил он. — Чтобы никто не заметил, что мы не стареем. Сначала была Италия. Потом Франция. Англия. Испания. Германия. Теперь Россия. Мы живём тихо. Не привлекаем внимания. Но есть и другие. Много других. Таких же семей. По всему миру. Мы не одиноки. Но и не вместе. Мы — тени. Призраки. Те, кто живёт вечно, но не может быть частью жизни.

Он поднял на меня глаза. В них было что-то, чего я не видела раньше. Уязвимость. Страх. Надежда.

— Теперь ты знаешь, — сказал он. — Ты можешь уйти. Я пойму. Но если ты останешься... я обещаю: я никогда не причиню тебе вреда. Никогда.

Я молчала. Слова застряли в горле. Я думала о том, что он сказал. О его жизни. О его одиночестве. О том, что он, как и я, застрял между мирами. Только его мир — это вечность. А мой — пустота.

— Почему ты спас меня? — спросила я наконец. — Тогда, на обрыве. Почему ты был там?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом вздохнул.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Я шёл за

тобой. С самого утра. Я чувствовал, что что-то не так. Ты была... другой. Твои глаза. Твои движения. Я не мог тебя отпустить. Не мог позволить тебе сделать это.

— Почему? — повторила я. — Ты меня не знаешь.

— Знаю, — сказал он. — Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Я видел тебя в библиотеке. Видел, как ты читаешь. Как ты думаешь. Как ты смотришь в окно, когда никто не смотрит. Я видел тебя — настоящую. Ту, которую никто не видит. И я...

Он замолчал. Отвёл взгляд.

— Что? — спросила я.

— Я узнал тебя, — сказал он тихо. — В тебе есть что-то, что я не видел уже сотни лет. Что-то... живое. Настоящее. Даже если ты сама этого не чувствуешь.

Он снова посмотрел на меня. В его глазах была мольба — и я не ожидала этого от него. От того, кто был старше меня на пять веков. От того, кто был сильнее, быстрее, опаснее.

— Теперь ты знаешь мою тайну, — сказал он. — Но я хочу знать твою. Что произошло тогда? На обрыве. Почему ты хотела прыгнуть?

Я отвернулась. Посмотрела на ели, на их тёмные ветви, которые качались от ветра. Как легко было бы рассказать всё. Как трудно.

— Это не важно, — сказала я.

— Важно, — настаивал он. — Для меня — важно.

— Почему?

— Потому что я хочу понять. Ты сказала во сне, что не хочешь жить вечно. Ты сказала это так, как будто уже смирилась с тем, что жизнь — это наказание. Я хочу знать, что с тобой случилось. Что сделало тебя такой.

Я молчала. Слова были где-то глубоко — там, где я их спрятала. Там, где было темно и холодно. Там, где я сама боялась смотреть.

— Это долгая история, — сказала я наконец.

— У меня много времени, — ответил он.

Я посмотрела на него. Он стоял и ждал. Не давил. Не торопил. Просто ждал. И в этом ожидании было что-то, что заставило меня сказать правду. Хотя бы часть её.

— Я устала, — сказала я. — Устала от всего. От того, что я всегда вторая. Всегда не та. Всегда недостаточно хорошая. Мой партнёр по танцам бросил меня, когда я получила травму. Мои исследования называли бредом. Марк выбрал Изабеллу, хотя год говорил, что пригласит меня. Я как будто существую в мире, где всё происходит с кем-то другим. А я — просто зритель. Просто тень. Просто... никто.

Я замолчала. Внутри было пусто. Как всегда.

— И ты решила, что проще не быть? — спросил он.

— Да, — сказала я. — Проще.

Он подошёл ближе. Так близко, что я чувствовала его дыхание — прохладное, лёгкое.

— Ты не никто, — сказал он. — Ты — та, кто видит мир иначе. Та, кто чувствует глубже. Та, кто думает больше. Это не слабость. Это проклятие. И благословение.

Глава Десятая: Veritas

— Для меня это только проклятие, — прошептала я.

— Потому что ты одна, — сказал он. — Но теперь ты не одна. Я здесь. Я вижу тебя. Настоящую. И я не уйду.

Он взял мою руку. Его пальцы были холодными, как мои. Но в этом холоде было что-то, что согревало.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказал он. — Не знаю, сможем ли мы быть вместе. Не знаю, что скажет моя семья. Но я знаю одно: я не хочу, чтобы ты исчезла. Не хочу, чтобы мир потерял тебя. Потому что мир, в котором нет тебя, — это мир, в котором нет смысла.

Я смотрела на него. На его лицо — молодое, но старое. На его глаза — янтарные, но бездонные. И в этот момент я поняла: он говорит правду. Не потому, что хочет меня спасти. А потому, что сам боится потерять. Кого-то, кто видит его — настоящего.

— Я не обещаю, что расскажу всё, — сказала я. — Не сейчас.

— Хорошо, — сказал он. — Я подожду.

— Я не обещаю, что не попробую снова.

— Я буду рядом, — сказал он. — Каждый раз.

— Это не жизнь, — сказала я. — Это надзор.

— Это забота, — ответил он. — Разница в том, как ты это называешь.

Я замолчала. Он был прав. И это раздражало. И успокаивало. Одновременно.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы пойдём домой, — сказал он. — Ты устала. Тебе нужно отдохнуть. А завтра... завтра будет новый день. И мы решим, что с ним делать.

Он отпустил мою руку. Но не ушёл. Просто стоял рядом. Ждал. Как будто давал мне выбор. Шагнуть вперёд. Или остаться на месте. Или повернуть назад.

Я сделала шаг. К нему. Не потому, что была уверена. Не потому, что знала, что делаю. А потому, что впервые за долгое время мне захотелось узнать, что будет дальше.

Он улыбнулся. Тихо. Едва заметно. Но этого было достаточно.

Мы пошли домой. Через лес. Молча. Но это молчание не давило. Оно было мягким, как одеяло. Оно было обещанием. Обещанием, что я не одна. Даже если я сама этого не хочу. Даже если я сама не верю.

Закат догорел. Небо стало тёмно-синим, и на

нём зажглись первые звёзды. Я смотрела на них и думала: может, и мы так же. Краткие вспышки в бесконечной тьме. Но именно эти вспышки и есть всё. Когда мы подошли к моему дому, он остановился. Дом был тёмным — мама и сестра уже спали. Только слабый свет горел на кухне, как ночник, оставленный для меня.

— А что ты планируешь делать завтра? — спросил он.

— Ничего, — ответила я. — Наверное, буду целый день дома сидеть.

— А может, вместе проведём завтрашний день? Я познакомлю тебя с моими родителями.

Я замерла. Внутри что-то сжалось — не страх,

не радость, а что-то среднее. Неуверенность. Я привыкла к тому, что меня не ждут. Не хотят видеть. Не выбирают.

— Я не уверена, — сказала я. — Может, не стоит торопиться. Они, наверное, не будут рады внезапному знакомству.

Он посмотрел на меня — прямо, спокойно, без тени сомнения.

— Я уверен, что ты им понравишься.

Я хотела возразить. Хотела сказать, что не нравлюсь людям. Что я странная. Что я холодная. Что во мне нет ничего, что могло бы понравиться. Но слова застряли в горле. Потому что он смотрел на меня так, будто видел что-то другое. Что-то, чего я сама в себе не видела.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Тогда до завтра. Я предупрежу маму, что буду с тобой.

— А ты меня познакомишь с родителями?

Я вздохнула. Этот вопрос был сложнее, чем казался.

— Давай я сначала маму подготовлю к этому. А то это слишком неожиданно.

Он кивнул. Не настаивал. Не давил. Просто принял. Как принимал всё — спокойно, терпеливо, как будто у него было пятьсот лет в запасе. Хотя, наверное, так и было.

— Только ты понимаешь, — сказал он, и голос его стал серьёзным, — что сегодня ты узнала тайну. Я верю, что ты сохранишь её.

— Сохраню, — сказала я.

Это было не обещание. Это было просто признание факта. Я не из тех, кто разбрасывается чужими секретами. У меня своих хватало — тех, что я хранила даже от себя.

Он улыбнулся. Тихо. Едва заметно. Потом развернулся и пошёл в темноту — туда, где его ждала семья. Такая же, как он. Такая же, как я, только по-другому.

Я стояла на крыльце и смотрела ему вслед. Его силуэт растворялся в темноте, пока не исчез совсем. Я осталась одна. Снова. Но в этот раз одиночество не давило. Оно было другим. Мягче. Как будто кто-то невидимый стоял рядом и держал меня за руку.

Я вошла в дом. Тихо, не включая свет, прошла в свою комнату. Не стала переодеваться — просто легла на кровать, поверх одеяла. Смотрела в потолок и думала.

Он вампир. Ему пятьсот лет. Он видел то, чего я никогда не увижу. Жил в эпохах, которые для меня — просто строчки в учебнике. И всё же он здесь. Со мной. В этом маленьком городе. В этом лесу. В этой жизни.

Почему? Почему он выбрал меня? Я не была красивой. Не была умной — по крайней мере, так считали те, чьё мнение имело вес. Не была особенной. Я была просто... мной. Девочкой с холодными руками и серо-голубыми глазами. Девочкой, которая думала слишком много и чувствовала слишком мало. Девочкой, которая хотела исчезнуть.

А он сказал, что не хочет, чтобы я исчезла. Что мир без меня — это мир без смысла. Странно. Я никогда не думала, что могу быть чьим-то смыслом. Я всегда была фоном. Тенью. Тем, что на периферии. Тем, что не замечают.

Я вспомнила его глаза. Янтарные. Глубокие. В них было что-то, чего я не видела ни у кого. Не жалость. Не снисхождение. Что-то другое. Что-то, что заставило меня сделать шаг. К нему. Навстречу.

Я не знала, что будет завтра. Не знала, что скажут его родители. Не знала, смогу ли я быть с ним — с тем, кто живёт вечно, когда я сама не хочу жить даже день. Но я знала одно: сегодня я не прыгнула. Сегодня я

осталась. И, может быть, это уже что-то.

Я закрыла глаза. Сон пришёл быстро — тёмный, глубокий, без сновидений. Как колодец. Как пропасть. Как тишина между двумя ударами сердца.

А где-то в темноте, за окном, стоял он. Смотрел на моё окно. И ждал. Не потому, что должен был. А потому, что хотел.

Глава Одиннадцатая: Amor et Timor

Утро субботы началось с тишины. Такой, какая бывает только в старых домах, где стены помнят больше, чем люди. Я лежала в кровати и смотрела в потолок, собираясь с духом. Сегодня я должна была сказать маме, что ухожу. К другу. К тому, кого она никогда не видела.

Я встала, умылась, надела домашнее. На кухне пахло кофе и чем-то тёплым — мама пекла оладьи. Сестра ещё спала. Это было моё окно возможностей.

— Мам? — начала я, садясь за стол. — Я сегодня пойду к другу. Погуляем.

Она обернулась. В её глазах мелькнуло что-то — не тревога, но вопрос.

— К другу? К какому?

— К однокласснику. Новенький. Мы... общаемся.

— Новенький? — она поставила передо мной тарелку. — И как его зовут?

— Даниэль.

— Даниэль, — повторила она, как будто пробуя имя на вкус. — Иностранное какое-то.

— Он из Италии. Переехал недавно.

Мама села напротив. Смотрела на меня внимательно — так, как умеют только матери. Будто видела насквозь.

— Ты давно с ним общаешься?

— Не очень. Но он... хороший.

Хороший. Какое жалкое слово для того, кем он был. Но что я могла сказать? Что он вампир? Что ему пятьсот лет? Что он спас мне жизнь дважды? Правда была слишком тяжёлой для кухонного разговора. Правда вообще редко бывает лёгкой. Мы живём в

мире, где ложь удобнее, потому что она не требует объяснений. Сказать «он хороший» — значит закрыть тему. Сказать «он вампир, и я, кажется, влюбляюсь в него» — значит открыть ящик Пандоры, из которого вылетят все страхи, все вопросы, вся боль. А мама и без того устала. Я видела это по её глазам — серым, как осеннее небо, по морщинам, которые появились раньше времени, по рукам, которые никогда не отдыхали.

— Хорошо, — сказала мама наконец. — Но будь осторожна. И позвони, если что.

— Позвоню.

Я поцеловала её в щёку и ушла в комнату собираться. Внутри было странное чувство — не радость, не страх, а что-то среднее. Как будто я стояла на пороге чего-то, чего не

могла назвать. Всю жизнь я стояла на порогах. Перед дверью в спорт — и не вошла. Перед дверью в науку — и не вошла. Перед дверью в любовь — и не вошла. Порог — это моё естественное состояние. Место, где ты ещё не выбрал. Где всё возможно. И где ничего не происходит.

Ровно в полдень я услышала рёв мотоцикла. Он был низкий, глубокий, как рычание зверя. Я выглянула в окно. Даниэль стоял у калитки — в чёрной куртке, с шлемом в руке. Мотоцикл был тёмный, матовый, с серебристыми деталями. Он выглядел так, будто сошёл со страниц другого романа — не нашего, не школьного. Романа, где герои не боятся шагать в неизвестность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.